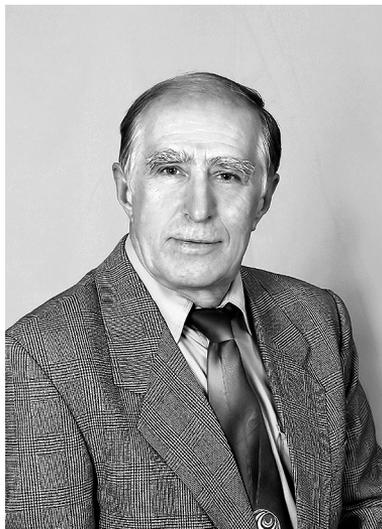

К ЮБИЛЕЮ ВИКТОРА ВЛАДИМИРОВИЧА СЕРГЕЕВА

Этот сборник издан в честь известного российского историка — профессора, доктора исторических наук Виктора Владимировича Сергеева. Окончив в 1970 г. исторический факультет Ленинградского государственного университета, он посвятил свою трудовую жизнь науке и образованию. В 1973 г. состоялась защита кандидатской диссертации, в 1988 г. — докторской; в 1982 г. В. В. Сергеев стал доцентом, в 1991-м — профессором. Придя на работу в Калининградский государственный университет в 1978 г., он в течение многих лет руководил кафедрой всеобщей (зарубежной) истории, в 1987—1994 гг. был деканом исторического факультета, а в 2012—2016 гг. заведовал объединенной кафедрой истории в Институте гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта.

С именем Виктора Владимировича неразрывно связана история развития высшего исторического образования в Калининграде. Будучи выпускником ленинградской исторической школы, он привнес лучшие традиции советской гуманитарной науки в жизнь университета самой западной российской области. Перемены периода Перестройки, ревизия прошлого в 1990-х гг., становление исторического образования в контексте реформы высшей школы начала XXI века — в своей работе на фоне этих процессов В. В. Сергеев старался и старается сочетать уважение к достижениям предшественников и открытость новациям.

Один из любимых учеников выдающегося ученого Кирилла Борисовича Виноградова, Виктор Владимирович состоялся как признанный российский специалист по британской истории. Уделяя большое внимание прошлому региона, ставшего для него второй родиной, В. В. Сергеев постоянно публикует материалы по истории Восточной Пруссии и Калининградской области. В сферу его профессиональных интересов входят также проблемы военной истории, международных отношений, межкультурного диалога, историографии всеобщей и региональной истории... За десятилетия преподавания в университете Виктор Владимирович воспитал многих специалистов, которые сегодня плодотворно работают в высшей и средней школе, музеях, архивах и средствах массовой информации, органах управления образованием и культурой. Результаты научного творчества В. В. Сергеева — публикации, список которых приводится в конце настоящего издания. В их числе — монография по проблеме роли Англии в объединении Германии, и сегодня востребованная специалистами по истории международных отношений.

Своим многолетним добросовестным трудом Виктор Владимирович Сергеев показывает пример уважительного отношения к коллегам по цеху, бережного обращения с историческими фактами, творческого подхода к решению научных проблем, заботы о передаче лучших традиций российских исторической науки следующим поколениям.

Авторы сборника, выпускаемого в родном городе юбиляра, представили в своих статьях широкий спектр сюжетов, близких научным интересам профессора В. В. Сергеева, по истории Великобритании (I), Нового и Новейшего времени (II), международных отношений (III), Восточной Пруссии и Калининградской области (IV), а также историографии и методологии истории (V).

Коллеги и ученики поздравляют Виктора Владимировича Сергеева с юбилеем и желают ему крепкого здоровья и дальнейших творческих успехов.

Раздел I
ИСТОРИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ
В XVIII—XXI ВЕКАХ

elle

Новации в парламентской практике Британии XVIII столетия

Проанализирована роль новаций в истории британского парламента на протяжении «долгого» XVIII в. Особое внимание уделено процессам, происходившим в обществе: зарождению требования радикальной реформы парламента и публикации парламентских материалов.

Ключевые слова: британский парламента, XVIII в., новации, публикация парламентских материалов.

В последние десятилетия XX в. наблюдалось существенное изменение в проблематике отечественных исследований, в том числе в изучении широкого круга проблем колониальной, интеллектуальной, отчасти также политической истории Британии. Однако парламента, борьба партий и другие сюжеты государственно-политической истории на протяжении всего XVIII столетия все еще остаются вне поля зрения российских историков. Эти темы и по сей день подробно освещены лишь в двух трудах: дореволюционной «Истории Великобритании» М. М. Ковалевского [5] и советской работе К. Н. Татариновой «Очерки по истории Англии 1640—1815 гг.» [7].

В «Очерках истории Англии» представлена негативная оценка правления «аристократии и финансовой олигархии», блок которых совершил переворот, вошедший в историю под названием «Славная революция». Дальнейшее развитие государственно-политической сферы было предопределено содержанием этого «реакционного» блока. Для М. М. Ковалевского XVIII в. — это время, когда в Британии шло развитие парламентской практики и старое здание наполнялось новым содержанием, а именно — принципами парламентаризма. Подобные оценки присущи зарубежной либеральной и консервативной историографии. Неизбежно встает вопрос, какие тенденции характеризуют историю парламента в XVIII столетии: консервация или развитие? В какой мере эта история стала предтечей развития парламентаризма в последующем веке?

В силу особенностей протекавших в государственно-политической сфере процессов далее пойдет речь о так называемом долгом XVIII в. Его хронологическими границами стали Славная революция 1688—1689 гг. и окончание наполеоновских войн в 1815 г. Поскольку не представляется возможным охватить все события политической истории означенного периода в небольшой статье, уместно рассмотреть лишь наиболее значимые проявления новаций.

Славная революция 1688—1689 гг. стала важным государственно-политическим событием. Основываясь на хронологии, ее можно охарактеризовать как дворцовый переворот, когда Вильгельм Оранский, племянник и одновременно зять правившего Якова II, прибыл в Англию во главе войска. Король с семьей бежал во Францию, а парламента вынес компромиссное решение о передаче престола законной наследнице, которой он считал дочь Якова Марию, и ее супругу. Однако вмешательство парламента в вопрос о престолонаследии (главным образом, выработанный им же Билль о правах) обозначило черты нового

государственного устройства Англии. В Билле, являвшемся, по сути, актом конституционного характера, разграничены законодательная и исполнительная ветви власти. Первая переходила в ведение парламента, сохранявшего при этом функции высшего судебного органа королевства.

Между тем Билль о правах не внес новаций в парламентскую практику, а традиции сохранили свое значение. Структура, ритуалы и процедуры функционирования парламента остались неизменными: открытие и закрытие сессий, активное и пассивное избирательное право, механизм законотворческой деятельности, права и привилегии депутатского корпуса и т.д.

Мария и Вильгельм согласились придерживаться условий парламента и подписались под Биллем о правах. Следует отметить, что прерогативы монарха как главы исполнительной власти оставались весьма широкими, поэтому дальнейшее развитие новой системы зависело от его личности, от степени его готовности придерживаться положений Билля о правах.

Занявший британский престол Вильгельм III Оранский одновременно сохранил за собой пост верховного главнокомандующего Соединенных провинций, вынужденных защищаться от притязаний Франции. Ситуация на континенте обусловила характер правления и политическую линию монарха, его заинтересованность в поступлении средств на ведение войны в Европе и диалоге с парламентом в самой Британии. Правление Вильгельма III отмечено регулярностью сессий: они проходили ежегодно. Ход военных действий влиял на ритм работы парламента: сессии начинаются поздней осенью или ранней зимой, завершаются ранней весной, что утвердилось в последующие десятилетия. Среди наиболее важных новаций следует отметить заложенную Вильгельмом практику посланий к парламенту при открытии и закрытии сессий. Поначалу в них содержался обзор хода военных действий, впоследствии добавились характеристика ситуации в Британии и круга предполагаемых законопроектов, а также формирование первого однопартийного кабинета (что исключало раздоры в исполнительной власти¹) и, наконец, определение порядка престолонаследия, утвержденного парламентом. Таким образом, в первые годы после осуществления Славной революции в силу субъективных обстоятельств произошло закрепление и дальнейшее развитие нового государственно-политического режима — конституционной монархии, обозначились черты парламентаризма².

Однако в дальнейшем, в годы правления Анны и Георга I, парламент изменил ценз пассивного избирательного права, который теперь предусматривал обязательное владение землей для кандидатов, и увеличил срок полномочий нижней палаты с трех до семи лет. Именно эти законы, серьезно ограничив доступ среднего класса во власть, закрепили верховенство аристократии. Архаичное избирательное право, подкуп, коррупция и патронаж, длительное пребывание вигов у власти создали условия для усиления зависимости нижней палаты от верхней, привилегированной палаты. Тем не менее найденные в личных ар-

¹ Впоследствии в кризисной обстановке формировался коалиционный кабинет из представителей различных партийных группировок. Подробнее см.: [4].

² Парламентаризм предполагает не просто разделение законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти в государстве, но и формирование сложной системы их взаимодействия и взаимовлияния.

хивах документы [11] позволили исследовать взаимоотношения палат и установить, что эта зависимость была не столь велика, как считалось прежде. Но однородный социальный состав обеих палат привел к тому, что к середине века парламент превратился, по словам современников, в дворянский клуб, или, по словам исследователей, в корпорацию аристократии, сквайров и джентри.

Между тем элементы парламентаризма получили дальнейшее развитие в функционировании неконституционного органа исполнительной власти — кабинета министров. Лишь к концу века, когда во власть пришел У. Питт-младший, депутатский корпус и общество признали авторитет первого министра. С самого начала в своей деятельности он должен был опираться на значительную группировку сторонников. Именно они обеспечивали поддержку его инициативам. Однако наличие политических сторонников в нижней палате обуславливалось, с одной стороны, давлением на избирателя (что облегчало упомянутое выше архаичное избирательное право), с другой — поддержкой монарха. Тем самым элементы парламентаризма нивелировались.

В правление Георга I были заложены новые традиции: король из-за незнания английского языка перестал посещать заседания кабинета. Это означало незначительное сокращение прерогатив монарха и усиление кабинета, на протяжении столетия постепенно шла выработка принципов политической ответственности как кабинета в целом, так и отдельных министров.

Но влияние монарха на решения кабинета и деятельность парламента по традиции сохранялись. Если Георг I и Георг II в большей мере доверяли министрам, то годы правления Георга III продемонстрировали широкие возможности давления короля как на парламент, так и на кабинет министров.

Георг III стал первым представителем Ганноверского дома, который родился на британской земле и знал английский язык. С раннего детства он жил в атмосфере вражды окружения его отца с вигами, а взойдя на трон, мечтал покончить со злом, которое принесло их правление: коррупцией, патронажем, воровством и т.д. Его стремление быть «хорошим» правителем проявилось в заключении династического брака вопреки личной склонности, в скромном быту королевского дворца. А главное — в желании находиться в курсе дел, которое он проявлял в повседневном внимании к ходу и результатам выборов, расстановке сил в парламенте, прениям и прохождению законов. Он был инициатором преследования Дж. Уилкса, начала и продолжения войны с американскими колонистами, что вынуждало кабинет и общины действовать в соответствии с его волей. Открыто выступил против Ост-Индского билля Ч. Дж. Фокса [2, с. 133—165; 6].

Тем не менее к концу столетия парламент превратился в центр политической жизни. К причинам этого следует отнести прежде всего болезнь Георга III, которая привела к усилению кабинета и сокращению влияния двора; изменение имиджа монархии [12], усложнение ведения государственных дел и т.д.

Таким образом, в истории британского парламента на протяжении всего XVIII в. наблюдается развитие и закрепление различных, противоречивых тенденций, которые не позволяют однозначно трактовать эту историю ни как неизменно позитивное движение, ни как консервацию аристократического правления и сохранение роли традиций.

Развитие парламентской практики, усиление реализации новаций, а также формирование принципов парламентаризма не представляются столь

однозначными, какими их видел М. М. Ковалевский. Исследователь определил вектор развития, но его темпы и конечные результаты в политических реалиях XVIII в. выглядели туманно. Вместе с тем нельзя отрицать, что серьезными тормозящими факторами оставались политическое и социально-экономическое влияние крупного землевладения и значимость традиций в политической и повседневной жизни. При этом следует подчеркнуть, что новации отнюдь не всегда носили позитивный характер, как, например, изменение ценза пассивного избирательного права или удлинение сроков полномочий парламента.

Дальнейшее государственно-политическое развитие обусловило существенные, если не определяющие, опосредованно взаимосвязанные факторы, истоки которых находились вне стен парламента.

Первый фактор — требование изменения системы представительства. О необходимости преобразования архаичного избирательного права заговорили еще в XVII в. А уже в следующем столетии этот вопрос неоднократно поднимался в стенах парламента. Однако речь шла о частичных переменах, будь то ликвидация наиболее мелких избирательных округов или сокращение сроков полномочий парламента (см., напр.: [13, р. 322—325; 3, с. 285—286]). Но и эти предложения неизменно отвергал депутатский корпус. Кардинальное решение проблемы сформулировала радикальная мысль и поддержало радикальное движение.

Второй фактор — это усиление внимания со стороны общества к деятельности и решениям парламента, которое привело к утверждению публичности прений.

Интерес к новостям был обусловлен рядом причин. Среди них наиболее важную роль играли участие Британии в войнах на европейском континенте, расширение заморских владений, возрастание торговых и финансовых операций, деловой активности. Однако ход обсуждения законопроектов и вотирования налогов был скрыт от избирателей и общества. Хотя велся журнал заседаний обеих палат, порой возникала возможность для отдельных персон посещать заседания, публикация законов осуществлялась после окончания сессии. На протяжении сессии краткая информация о прениях сообщалась с разрешения спикера. Несоблюдение запретов пресекалось властями, издателей ждали судебное преследование, высокие штрафы и тюремное заключение.

Но уже в правление Вильгельма III зародилась, а к середине XVIII в. утвердилась практика публикации произнесенных речей ораторами в форме памфлетов. Парламентарии шли на этот шаг из стремления продемонстрировать свою позицию перед избирателями, заявить о собственном взгляде по какому-либо спорному вопросу, просто обнародовать удачно составленную речь.

С 1731 г. Эдуард Кейв приступил к изданию ежемесячного «Журнала джентльмена» (*The Gentleman's Magazine*), который был предназначен издателем для освещения новостей и размещения комментариев на любую тему. Если сначала публиковалась информация лишь об открытии или закрытии сессии, то с 1732 г. появились более подробные сведения о парламентских дебатах, носившие завуалированный характер. Стремясь избежать наказания за обнародование прений, Кейв озаглавил эти материалы, как «Ведение дел в нижнем зале Общества Робин Гуда» и «Прения сената Лилипутии», а фамилии ораторов обозначались несколькими буквами. Эти уловки могли обмануть лишь неосведомленного читателя, но позволяли обойти ограничения.

Среди первых «корреспондентов» непродолжительное время был будущий литератор Сэмюэль Джонсон. Его отчеты не всегда воспроизводили произнесенные речи точно и полностью. Скорее, он описывал то, что ораторы хотели, по его мнению, или могли бы сказать [10, vol. 1, p. ix]. Избранная издателем стратегия освещения широкого круга вопросов, а также парламентских прений способствовала большой популярности журнала. К середине XVIII в. явственно обозначилась, а затем и заметно возросла потребность общества в информации о действиях властей. По словам Дж. Стокдейла, подготовившего издание всех парламентских публикаций Джонсона, «люди, которые выбрали своих представителей в парламент и высказали им свои требования, имели право знать, что они говорят (в палате. — М. А.)» [10, vol. 1, p. ix].

Однако власти следили за прессой и жестко преследовали за нарушение запретов. Наиболее известным случаем наказания «преступника» стало «дело» Джона Уилкса. Будучи членом парламента, в 1762 г. он основал при поддержке оппозиционных вигов газету «Северный британец» (*North Briton*). В 45-м номере Уилкс подверг критике кабинет за подготовленную министрами тронную речь короля. Георг III расценил выпад журналиста как критику своей персоны и повелел арестовать редактора издания и автора статьи. Несмотря на личную неприкосновенность, Уилкса отправили в тюрьму, а номер газеты конфисковали. Действия властей вызвали возмущение в обществе и спровоцировали движение в поддержку журналиста под лозунгом «Уилкс и свобода» (см. подробнее: [13, p. 10—18]). Только в конце шестидесятых годов Уилкс был оправдан, а в 1774 г. избран лорд-мэром столицы и вновь стал членом парламента.

Ситуацию, сложившуюся во взаимоотношениях парламента и прессы, переломил политический кризис. Он был связан с обсуждением в нижней палате вопроса о Фолклендских островах в 1770 г. Эти острова считались владением Испании, но испанцы не основались на этой территории. В 1764 г. на одном из них британцы создали поселение. В феврале 1770 г. испанские корабли вынудили их покинуть остров. В конце осени в Лондоне разразилась политическая буря. Некоторые оппозиционные политики утверждали, что подорваны национальные интересы и престиж страны. Конвенция о мирном урегулировании конфликта стала предметом острого обсуждения в парламенте в январе 1771 г. Виги попытались воспользоваться шансом для смещения главы кабинета лорда Норта. В этих целях они привлекли прессу, вызвав своим шагом гнев правящей элиты. Король считал разгоравшийся конфликт удобным поводом для расправы с газетчиками. Однако издатели не являлись на суд парламента, укрывшись в Сити [13, vol. 17, p. 71, 72, 74]. В обществе попытка судебного преследования издателей была воспринята как удар по свободе слова и правам граждан. Появились критические статьи, где обсуждались действия палаты и кабинета министров³. Городские власти Лондона выступили на стороне издателей. И тогда в марте 1771 г. по распоряжению правительства были арестованы лорд-мэр столицы Кросби и олдермен Оливер, что свидетельствовало о поражении власти в конфликте с издателями.

Узники вышли на свободу лишь после окончания сессии парламента. Их встречал весь городской совет и многочисленные жители Лондона, превратившие это

³ Попытка привлечь издателей к ответственности также не увенчалась успехом [13, p. 75—77].

событие в яркую демонстрацию своих чувств. Ее дополнили салют, иллюминация и разбитые окна в домах лордов, наиболее активно выступавших на стороне правительства. Те же действия толпы сопровождали освобождение из тюрьмы Дж. Уилкса до того, а также Ф. Бердета позднее [1, с. 77—96]. Итак, городские жители были осведомлены о позиции наиболее заметных членов обеих палат по всем важным вопросам. И здесь можно высказать весьма обоснованное предположение, что наряду с другими источниками информация население столицы получало сведения от домашних слуг. Они были в курсе жизни хозяев, нередко меняли место работы и вполне могли обсуждать их дела с друзьями и соседями, распространяя сведения о парламентских дискуссиях.

Так, с начала 1770-х гг. право прессы печатать полностью стенограммы прений палат не оспаривалось парламентом, однако и официально не было закреплено законом. И со следующей сессии редакторы лондонских газет начали посылать в парламент своих корреспондентов, которые вели записи дебатов. Расположившихся в галерее Вестминстера журналистов в насмешку прозвали «четвертой властью», так как монарх, палата лордов и палата общин издавна в Англии рассматривались как олицетворение трех ветвей верховной власти королевства (кстати сказать, власть прессы политики признали уже на рубеже 1820—1830-х гг., когда прозвище утратило ироничный смысл). Поздно вечером, а то и ночью материалы поступали в типографии, и утром можно было прочесть о прошедшем накануне заседании. Обычно отчеты содержали ошибки и неточности, так как журналисты не всегда успевали записать выступление оратора, в шуме голосов что-то могли и не слышать или пропустить. Тем не менее лондонские репортажи перепечатывались провинциальными газетами. По подсчетам исследователей истории прессы Британии, во второй половине XVIII в. за пределами Лондона ежегодно издавалось от 33 до 35 газет, а общий тираж столичных и провинциальных газет превысил 11 млн экземпляров [8, р. 265]. На рубеже 1770—1780-х гг. публикация газет начала приносить ощутимую прибыль издателям. В столице в среднем она колебалась от 1,5 до 2 тыс. фунтов стерлингов, а в восьмидесятые годы достигала 10 тыс. фунтов стерлингов в год. И это было побудительным мотивом для дальнейшего увеличения числа газет. Так, новости распространялись по стране, становились предметом обсуждения в кафе, клубах, домах [2, с. 79—82]⁴. А прибыль издателей стала важным показателем потребности общества в них.

Семидесятые и восьмидесятые годы XVIII в. можно назвать временем журнального бума. Началось издание журналов, специально предназначенных для подробной публикации прений по поводу наиболее значимых законопроектов, при этом кратко они освещались и в журналах неполитического характера вплоть до чисто литературных изданий.

Помимо прессы отчеты о парламентских дискуссиях появились и в книжном формате. В 1742—1743 гг. издавалась «История и ведение дел палаты общин от Реставрации до настоящего времени» в 14 томах [9]. Издатель и составитель Ричард Чандлер подчеркивал, что его труд представляет собой непредвзятый взгляд на партии тори и вигов, характеристику речей избранников в контексте их реаль-

⁴ И только 24 мая 1803 г. парламент принял решение, что двери галереи палаты будут открыты каждый день и журналисты смогут занимать там обычные места, которыми они до того пользовались не на всех заседаниях с 1770-х гг. [2, с. 89].

ной деятельности. Такой объективный подход, по его мнению, позволял избирателю сформировать верное суждение о сегодняшнем дне сквозь призму прошлого.

Поначалу в виде дополнения к газете «*Политикэл Реджистер*» У. Коббета выходил выпуск парламентских дебатов (1802), которые издатель дополнил «*Парламентской историей Англии с 1066 г.*». Находясь на грани разорения, Коббет передал права на издание дебатов и истории Т. Хэнсарду в 1812 г. Последний довольно быстро превратил его в доходное предприятие.

Исследование новаций в истории британского парламента XVIII в. невозможно без оценки роли прессы в освещении его деятельности. Между тем именно пресса нанесла ощутимый удар по его клубной закрытости, хотя по социальному составу парламент оставался своего рода корпорацией. Желание общества знать о прениях, так четко обозначившееся с 1770—1780-х гг., дополнилось стремлением оказать существенное влияние на законотворческий процесс уже весной 1815 г., когда в срочном порядке принимались новые хлебные законы. Горожане благодаря информации газет смогли оперативно, хотя и безрезультатно, выступить против этого шага, направив в нижнюю палату петиции, под которыми стояли десятки тысяч подписей. Но опосредованное влияние на деятельность нижней палаты граждане королевства смогли оказывать лишь после существенного расширения их избирательных прав и становления викторианской партийной системы.

Таким образом, наметившиеся в XVIII в. элементы принципов парламентаризма смогли получить дальнейшее развитие по мере усиления вовлечения в политику избирателя и общества в целом. Распространение идей радикальной парламентской реформы и публикация отчетов о парламентских дебатах сыграли роль одного из своеобразных катализаторов в этом процессе.

Список источников и литературы

1. *Айзенштат М.П.* Британия Нового времени. Политическая история. М., 2007.
2. *Айзенштат М.П.* Власть и общество Британии 1750—1850 гг. М., 2009.
3. *Айзенштат М.П.* История как компонент парламентской полемики (вторая половина XVIII в.) // Люди и тексты. Исторический альманах. 2012. М., 2013.
4. *Из истории европейского парламентаризма.* Великобритания. М., 1995.
5. *Ковалевский М.М.* История Великобритании. СПб., 1911.
6. *Семенов С.Б.* Политические взгляды английских радикалов XVIII века. Самара, 1995.
7. *Татарнинова К.Н.* Очерки по истории Англии 1640—1815 гг. М., 1958.
8. *Barker H.* Newspapers: Politics and English Society. L., 1999.
9. *Chandler R.* The History and the Proceedings of the House of Commons from the Restoration to the Present Times. L., 1842—1843. Vol. 1—14.
10. *Johnson S.* Debates parliament. L., 1787. Vol. 1, 2.
11. *Peers,* politics, and power: the House of Lords, 1603—1911. L., 1986.
12. *Smith H.* Georgian monarchy: Politics and culture. 1714—1760. Cambridge, 2006.
13. *The Parliamentary history of England.* L., 1813. Vol. 17.

Об авторе

Марина Павловна Айзенштат — д-р ист. наук, ведущ. науч. сотр. Института всеобщей истории РАН (Москва).

Джон Картерет и внешняя политика Великобритании в 1742—1744 годах

Рассмотрены важнейшие направления британской внешней политики в первой половине XVIII в., определены ее особенности в данный период. Отмечены некоторые пробелы в историографии, связанные с определением роли и места руководителя британской внешней политики в 1742—1744 гг. Дж. Картерета. Дан краткий обзор его политической и дипломатической карьеры, отмечены взгляды на внешнюю политику Великобритании и обозначены его основные дипломатические шаги и меры. Сделан вывод о сложности международной и британской внутривнутриполитической ситуации, о причинах его скорого ухода в отставку.

Ключевые слова: Великобритания, война за австрийское наследство, Дж. Картерет.

Первая половина XVIII в. занимала особое место в истории внешней политики Великобритании¹. Это было время, когда еще не выработался какой-то конкретный внешнеполитический курс, а вопрос о внешнеполитических приоритетах для британских элит оставался открытым.

Существовало три основных точки зрения на то, какие интересы должны быть ведущими для определения английской внешней политики. Первая акцентировала внимание на колониальных интересах и проблемах. Вторая, характерная для всей британской истории, — политика сохранения «равновесия сил» на континенте. Наконец, третий взгляд на внешнеполитический курс страны, важность которого была очевидна в первой половине XVIII в., представлял собой вопрос о защите и поддержке личных интересов монарха, связанных с его владениями на континенте — Ганноверским курфюршеством. Этот внешнеполитический вопрос возник в Великобритании в 1714 г. в связи с восхождением на британский престол новой династии — Ганноверской. Среди английских министров было несколько фигур, пытавшихся решить его.

Одним из самых ярких и значимых среди этих политиков был Джон Картерет (1690—1763). Хотя главной своей задачей Картерет видел борьбу с Францией [12, р. 124], в годы, когда он направлял внешнюю политику страны, его положение в политических кругах Англии было таким, что опереться он мог практически только на монарха. Это обусловило некоторый крен во взглядах Картерета: борясь с Францией, он прилагал значительные усилия для обеспечения безопасности Ганновера. Несмотря на то что он был политиком, определявшим внешнеполитический курс Великобритании в течение двух лет, когда атмосфера на международной арене была весьма напряженной из-за войны за австрийское наследство, большого внимания в исторической литературе ему не уделили. В британской историографии ему посвящена всего одна биография, написанная Арчибалдом Бэлентайном [6] в конце XIX в. Отечественная историография вообще упоминает его лишь при рассмотрении общих вопросов, так

¹ Далее термины «Великобритания» и «Англия» употребляются в одном и том же значении.

или иначе связанных с деятельностью Картерета. Между тем его внешнеполитическая деятельность представляет несомненную важность для определения сути внешней политики Великобритании в середине XVIII в.

Картерет родился в 1690 г., а уже в 1711 г. занял место в палате лордов, где поддерживал вигов, возглавляемых на тот момент графом Стэнхопом. С 1719 г. началась его дипломатическая карьера — он был назначен послом в Швецию. Для Англии того периода отношения со Швецией были чрезвычайно важны и в то же время сложны: в 1717 г. Англию втянули в войну с северным королевством амбиции Георга I, стремившегося расширить владения Ганновера. Но ближе к развязке конфликта, окончательно завершившегося миром 9 ноября 1719 г., английским государственным деятелям стало очевидно, что излишнее ослабление Швеции грозит чрезмерным усилением России на Балтике. Поэтому Картерету пришлось вести переговоры со Швецией с целью заключить договор против России, что и было им сделано с успехом. По договору Англия обязалась помочь Швеции флотом в войне против России, а Швеция в свою очередь признавала Ганноверскую династию законной [4, р. 106—118]. Впрочем, последовавший вскоре мир между Россией и Швецией не дал осуществиться условиям этого соглашения.

В целом шведская проблема разрешилась как для короля, так и для Англии успешно. Картерет приобрел большие знания в области международных отношений в Северной Европе и германских землях, а также получил политические дивиденды, став в 1721 г. государственным секретарем Южного департамента.

Говоря о внешней политике Великобритании и политиках, осуществлявших её, необходимо также дать краткую характеристику британских внешнеполитических ведомств, само устройство которых было весьма запутанным. Для Великобритании первой половины XVIII в. характерно отсутствие единого внешнеполитического ведомства. Во второй половине XVII в. были созданы Северный и Южный департаменты. Эти ведомства занимались и внутренними и внешними проблемами, и сфера их деятельности разделялась географически: Северный департамент занимался делами Англии, Шотландии (за исключением периода с 1707 по 1746 г.) и отношениями со Священной Римской империей, Соединенными провинциями, Скандинавскими странами и Россией. Южный департамент регулировал дела Уэльса, Ирландии, американских колоний (до 1768 г.) и занимался отношениями с Францией, Швейцарией, итальянским и иберийскими государствами и Турцией [10, р. 357]. Причем формирование внешнеполитического курса страны могло находиться в руках любого из двух государственных секретарей или даже другого члена правительства (как это было с Р. Уолполом). В определенный промежуток времени ключевая роль в определении внешней политики страны была у того политика, который располагал в тот момент поддержкой или монарха, или правительства, или большинства в парламенте. Или же всех вместе.

В то время когда Картерет получил пост государственного секретаря Южного департамента, большое влияние на политическую жизнь Великобритании стал оказывать Роберт Уолпол, которого формально можно считать первым английским премьер-министром. Уолпол смог в политической борьбе обойти графа Стэнхопа, давшего в свое время Картерету старт в политике. Естественно, Уолполу не были нужны сторонники его противника на высших государственных постах, и Картерет был вынужден оставить пост государственного секретаря в 1724 г.

До 1742 г. Картерет находился в оппозиции. Он выступал с критикой внешней политики Уолпола, оказываясь в одном ряду с такими яркими фигурами, как У. Питт-старший и герцог Ньюкасл. Внешнеполитический курс Уолпола, строившийся на попытках отстраниться от вооруженного противостояния в Европе, оппозиционеры называли «унижающим гордость нации» [5, р. 5]. Картерет раскритиковал склонность вигов (в лице Уолпола) «не обращать внимания на беспорядки и беды на континенте, не заниматься поиском врагов нашего собственного острова, но лишь заниматься торговлей и жить в свое удовольствие, а вместо того, чтобы лицом к лицу встречать опасность за рубежом, спать спокойным сном, пока нас не разбудит набат на наших собственных берегах» [1, с. 61]. Эта критика была несколько несправедливой. Уолпол пытался погасить конфликт на континенте, который возник из-за очевидной слабости Австрии, даже теоретически не способной смягчить для Англии последствия возможной войны. Но поскольку с 1740 г. конфликт разгорался все сильнее, вмешательство в дела на континенте, в первую очередь в германских землях и Австрии, было для Великобритании необходимо. В 1741 г. герцог Ньюкасл заявил: «[Священная Римская] империя может рассматриваться как оплот Великобритании, который, будучи повергнутым, оставит нас голыми и беззащитными» [14, р. 174].

Картерет же был активным сторонником вмешательства в европейские дела. Кроме того, он был одним из тех политиков, которые разделяли интерес монарха к его владениям на континенте. Дипломатический опыт Картерета определил его повышенное внимание к делам на севере континента, а близкие отношения с монархом, даже некоторая зависимость от него (Картерет не смог добиться большого влияния в парламенте и правительстве), предопределили благосклонность последнего к проблемам Ганновера. Именно особое отношение монарха, которое отмечали современники [9, р. 581, 583], позволило Картерету занять важный пост государственного секретаря Северного департамента и обойти своих политических соперников, таких как герцог Ньюкасл и У. Полтни (один из видных представителей вигов, ставший после Р. Уолпола премьер-министром на два дня).

В феврале 1742 г. Р. Уолпол ушел в отставку, а премьер-министром стал С. Комптон, граф Уилмингтон. Картерет занял пост государственного секретаря Северного департамента, фактически сосредоточив в своих руках внешнюю политику Великобритании. Более того, благодаря близости к королю и посредственности Комптона, Картерет смог оказывать гораздо большее влияние на политику Великобритании, практически распоряжаясь премьер-министром, как марионеткой [7, р. 29].

А положение Англии к тому времени было достаточно сложным. Шедшая с 1739 г. колониальная война с Испанией, получившая название «войны из-за уха Дженкинса», развивалась не очень удачно. Австрия, выступавшая главной опорой Англии в борьбе против поползновений Франции в Европе, находилась на грани краха, терпя поражения от Пруссии, Франции и Баварии.

Формально Ганновер, о котором так волновались король и Картерет, был в безопасности. Английский король настолько опасался за свои земли в Германии, что в сентябре 1741 г. заключил с Францией договор, предполагавший нейтралитет для Ганновера в обмен на голос Георга как ганноверского курфюрста на выборах императора Священной Римской империи в пользу кандидата из Баварии. Но перспектива падения Австрии, перехода императорской коро-

ны в руки французской марионетки, а также господства самой Франции на континенте делали безопасность Ганновера, как и Англии, довольно призрачной.

Поэтому Картерет твердо взял курс на скорейшее вступление в войну на стороне Австрии против Франции. Необходимо было провести ряд неотложных мер. Во-первых, увеличить финансовую поддержку Австрии и других союзников на континенте. Во-вторых, расколоть антиавстрийский лагерь любыми возможными способами, будь то финансовые вливания, жертвование какими-то владениями союзников или угроза применения вооруженной силы. И в-третьих, принять непосредственное участие самой Англии в боях на континенте.

Еще до вступления Великобритании в войну за австрийское наследство она внесла значительный вклад в борьбу с Францией. В апреле 1741 г. парламент проголосовал за оказание помощи Марии Терезии в размере 300 тыс. фунтов стерлингов и 10 тыс. солдат [13, р. 225]. Став государственным секретарем, Картерет провел через парламент еще одно голосование об оказании помощи Марии Терезии, на этот раз в размере почти полумиллиона фунтов стерлингов [8, р. 269]. Он сильно настаивал на поддержке Австрии, считая, что если последняя будет терпеть поражения от Пруссии, то она в конце концов «бросится Франции в руки» [12, р. 132] — к стороне, способной ее защитить. Этого, по мнению Картерета, нельзя допустить ни в коем случае, так как потом не на кого будет опираться в борьбе с Францией. Тем более нечего будет и думать о безопасности Ганновера.

В том же году английская дипломатия сконцентрировалась на проблеме мира Австрии с Пруссией. Пруссия, которую до войны за наследство не принимали всерьез, показала себя в качестве сильного и опасного противника. Таким образом, ее выход из войны был жизненно необходим для Австрии. Для Картерета вопрос о Пруссии был еще более значителен. Она, в отличие от Франции, граничила непосредственно с Ганновером, а значит, представляла из себя куда большую угрозу для его безопасности, чем какая-либо другая крупная европейская страна. Стоит отметить, что осознание важности этой проблемы и несомненное влияние монарха на вопросы внешней политики Великобритании обусловили мир Англии с Пруссией не только при Картерете, но и в течение всей войны за австрийское наследство. Чтобы миру между Англией (а если быть точнее, Георгом II как главой англо-ганноверской унии, носившей личный характер) и Пруссией ничего не угрожало, необходимо было снизить напряжение между Пруссией и ключевым союзником Англии — Австрией.

Поскольку к середине 1742 г. Фридрих II добился всего, чего хотел от конфликта с Австрией, он охотно пошел на контакт с Англией и с Австрией. Мария Терезия, несмотря на все нежелание идти на уступки Фридриху II, была вынуждена сделать это. Дело не только в том, что картина, разворачивавшаяся на театрах военных действий, была для Австрии удручающей, но и в том, что пренебрегать советами Англии, оказывавшей значительную финансовую поддержку, было опасно. Поэтому Австрия в июле 1742 г. заключила с Пруссией Бреславский мир, по которому Фридриху была уступлена Силезия и Глац [2, с. 134—143].

Дипломатическая активность Картерета не ограничивалась одной только Пруссией. Большое внимание уделялось расширению круга союзников Англии. Одной из таких мер был договор с Россией от 11 декабря 1742 г., по которому Великобритания и Россия обязались оказывать друг другу военную или финансовую

поддержку в случае нападения на кого-то из них с третьей стороны [3, с. 117—133]. В сентябре 1743 г. к Англии и Австрии, заключив с ними в Вормсе союз и договор о взаимной обороне [15], примкнула Сардиния, которая до того момента являлась союзницей Франции. Картерет считал большим успехом Вормский договор, бывший его детищем. И действительно, Сардиния имела важное стратегическое положение и крупную армию — с ее присоединением к союзникам Австрия должна была прочно укрепить свои позиции в Италии и уделить больше внимания делам в германских землях. Через какое-то время сменила сторону и Саксония. Организованные Картеретом переговоры, акценты в английских внешнеполитических мероприятиях и их результаты в виде заключенных договоров продемонстрировали довольно высокий уровень дипломатического мастерства Картерета. Росло число австрийских союзников. Перспектива краха Марии Терезии и установления гегемонии Франции на континенте становилась все менее вероятной.

Но некоторые меры Картерета были довольно сомнительными. Он хотел расширить число союзников и за счет Баварии, король которой был к тому времени провозглашен императором Священной Римской империи. Это было спорное решение: Бавария была слаба в военном отношении, а цена союза с ней за счет Австрии была слишком высока. В конце концов, план Картерета сорвался. И здесь обнаружилась неустойчивость его положения: поддержка в парламенте была слабой, а критика его действий все нарастала. А в это время главный оппонент Картерета, герцог Ньюкасл, бывший к тому времени государственным секретарем Южного департамента уже 19 лет, все больше укреплял свои позиции.

Сама война проходила для Великобритании не самым лучшим образом. Несмотря на ряд побед английского оружия, например при Деттингеме, сломить сопротивление Франции не получалось. Более того, во второй половине 1744 г. положение на арене боевых действий стало ухудшаться. Союзники терпели поражение за поражением во Фландрии, австрийцы были выдворены из занятой ими ранее южной Германии. Да и на дипломатическом фронте успехи Картерета оказались не такими блестящими. В августе 1744 г. Фридрих II возобновил боевые действия, опасаясь возможного пересмотра Бреславского мира в случае успешного для Австрии исхода войны за австрийское наследство.

Вскоре стало очевидно, что Англия вновь, как и в годы войны за испанское наследство, тратит слишком большие ресурсы, не получая должной отдачи. Оппозиция, сокрушившая ранее Уолпола, обрушилась теперь на Картерета. Ему в вину ставились финансовые проблемы, ухудшение торговли, подчинение интересов Англии Ганноверу. Один из лидеров оппозиции У. Питт заявил: «Сейчас стало очевидно, что это великое, могучее, грозное королевство рассматривается лишь как провинция презренного курфюршества» [11, р. 408]. Оппозиционные парламентарии говорили, что «все делается ради Ганновера, Ганновером — ничего» [6, р. 260]. За свою политику Картерет получил прозвище «министр ганноверских войск» [12, р. 101]. Вероятно, это прозвище было связано с долго обсуждаемым вопросом о взятии на английское содержание войск Ганноверского курфюршества, окончательно решенным отрицательно только после отставки Картерета с поста государственного секретаря [16, р. 63, 66, 67, 73]. Но в отличие от Уолпола Картерету практически не на кого было опереться. Активно участвуя в свержении Уолпола, сам он не обладал большой поддержкой в партии и парламенте. Когда после ухода Уолпола в отставку встал вопрос о том, кто же

будет руководить внешней политикой страны, у Картерета был козырь — поддержка короля. Но со временем, так и не обретя опоры где-то еще и допустив ряд неудач в своей политике, Картерет не мог рассчитывать на Георга II — последний не был абсолютным монархом.

В ноябре Картерет покинул пост государственного секретаря, но, сохранив расположение монарха, стал членом Тайного совета. Руководство внешней политикой перешло в руки герцога Ньюкасла, который, несмотря на критику в адрес Картерета, продолжал использовать некоторые его внешнеполитические меры, например выплату огромных субсидий английским союзникам. Причем зашел он в этой политике так далеко, что ненароком подтолкнул Европу к «дипломатической революции».

Несмотря на довольно короткий срок на посту государственного секретаря, лорд Картерет проявил себя как весьма яркая фигура в английской внешней политике. Находясь на посту государственного секретаря Северного департамента в течение всего двух лет, он наладил активное участие Англии в европейских делах, а когда это было необходимо для безопасности его страны и владений короля, смог обеспечить должную поддержку Австрии, главной опоре Великобритании на континенте, и такие дипломатические условия, которые позволили затем его преемнику с успехом сдерживать экспансию Франции и Пруссии в Европе и сохранить баланс сил на континенте. Его просчеты во многом были обусловлены неудачами на полях сражений, изначально сложной международной ситуацией в Европе 1740-х гг. и недостаточной поддержкой в самой Англии. Будучи хорошим дипломатом, Картерет одновременно оказался не очень умелым политиком, из-за чего так и не смог удержаться у власти, в отличие от многих других государственных деятелей, допуская куда большие промахи.

Список источников и литературы

1. *Киссинджер Г.* Дипломатия. М., 1997.
2. *Мартенс Ф.* Сборник трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1874. Т. 1.
3. *Мартенс Ф.* Сборник трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1874. Т. 9, 10.
4. *A general collection of treaties of Peace and Commerce, manifestos, declarations of war, and other public papers.* L., 1732. Vol. 4.
5. *An impartial review of the opposition, and the conduct of the late minister since his succession.* L., 1742.
6. *Ballantyne A.* Lord Carteret: a political biography, 1690—1763. L., 1887.
7. *Bigham H.C.* The prime ministers of Britain, 1721—1921. L., 1922.
8. *Cowie L.W.* Hanoverian England 1714—1837. L., 1974.
9. *Hervey J.* Memoirs of the reign George the Second, from his accession to the death of queen Caroline. L., 1848. Vol. 2.
10. *Holmes G., Szechi D.* The age of oligarchy. Pre-industrial Britain, 1722—1783. N. Y., 1993.
11. *Lecky W.H.* A History of England in the Eighteenth Century. L., 1878. Vol. 1.
12. *Lucas R.* George II and his ministers. L., 1910.
13. *Rolt R.* An impartial representation of the conduct of the several powers of Europe, engaged in the late general war. L., 1754.
14. *Simms B.* Three victories and defeat. The rise and fall of the first British empire. N. Y., 2007.

15. *The definitive treaty of peace, union, friendship and mutual defence, between the crowns of Great Britain, Hungary and Sardinia.* L., 1984.

16. *Tory and Whig. The parliamentary papers of Edward Harley; 3rd earl of Oxford, and William Hay. 1716—1753 / ed. by S. Taylor, C Jones.* Suffolk, 1998.

Об авторе

Илья Григорьевич Медведев — асп. кафедры истории, Институт гуманитарных наук БФУ им. И. Канта (Калининград), bulbash0.25@mail.ru

А. Хоукинс

Лорд Дерби (1799—1869): политический портрет

Раскрыты основные вехи жизни государственного деятеля Эдварда Дерби, проанализированы спорные моменты историографии. Эссе опирается на материалы фундаментальной двухтомной монографии «Забытый премьер-министр», вышедшей в Оксфорде в 2007—2008 гг. На основе исследования множества личных архивов показана ведущая роль Эдварда Дерби в восстановлении Консервативной партии после раскола 1846 г. и в других достижениях консерваторов на протяжении 1846—1868 гг.

Ключевые слова: Великобритания, XIX в., Бенджамин Дизраэли, историография, консерватизм, Эдвард Дерби.

Эдвард Стэнли, 14-й граф Дерби (1799—1869), был первым британским государственным деятелем, трижды ставшим премьер-министром¹. Он возглавлял правительства в 1852, 1858—1859 и 1866—1868 гг. Дерби руководил Консервативной партией 22 года — с 1846 по 1868 г. Его лидерство в партии остается наиболее продолжительным в современной британской политике. Третье правительство Дерби провело акты о реформе 1867—1868 гг., расширившие парламентский электорат в Соединенном королевстве с 1,364 млн избирателей (20 % от всех взрослых мужчин) до 2,477 млн (33 % от всех взрослых мужчин). При втором правительстве Дерби в 1858 г. евреи получили право становиться депутатами и имущественный ценз на избрание в парламент был отменен.

Уже эти достижения могут свидетельствовать о Дерби как о знаковом и эффективном партийном лидере. Несмотря на это, его место в пантеоне консервативных лидеров остается недооцененным. Его вклад в историю викторианского консерватизма отнесен Робертом Пилем и Бенджамином Дизраэли. При Дерби консерваторы никогда не достигали большинства на всеобщих выборах. Все его кабинеты становились правительствами меньшинства. Его сроки пребывания у власти были краткими. Некоторые историки впоследствии оценивали период

¹ Эдвард Стэнли носил титул лорд Стэнли с 1834 по 1844 г. В 1844—1851 гг. он заседал в палате лордов как лорд Стэнли от местечка Бикерстафф. После смерти отца в 1851 г. стал лордом Дерби. Для удобства далее я буду называть его Дерби.

между триумфами на выборах в 1841 и 1874 гг. как упадок консерватизма и проявление неэффективности².

Будучи молодым человеком, Дерби воспитывался в сугубо вигской семье в обширных владениях Ноусли в Ланкашире. Род Стэнли берет начало в XV в. После Итона и Крайст Чёрч (Оксфорд) он вступил в палату общин как многообещающий и талантливый вигский депутат в 1822 г. Его явный интеллект, самоуверенность, сильные ораторские качества и аристократический статус принесли ему политический успех. В 1827—1828 гг. он некоторое время служил в качестве помощника министра по делам колоний лорда Годрича. В 1829 г. выступал в защиту эмансипации католиков. В возрасте 31 года, в 1830 г., стал министром по делам Ирландии, а в 1833 г. министром по делам колоний в реформистском правительстве лорда Грея. Его политика в Ирландии как известного реформатора совмещала реформу национального начального образования и акт о владениях Ирландской церкви, снижавший расходы на Ирландию и защищавший право собственности и верховенство закона против нарушений в оплате десятины. Ирландский популистский лидер Дэниел О'Коннелл прозвал его «скорпионом Стэнли» [15, р. 220].

В апреле 1833 г. Дерби стал министром по делам колоний в правительстве Грея. Он незамедлительно поддержал законопроект об отмене рабства в британских колониях через палату общин. Личное наблюдение за рабами во время посещения Соединенных Штатов в 1824—1825 гг. укрепило его ненависть к моральному разложению, присущему рабовладению. Но разлад в правительстве в 1834 г. по вопросу секуляризации церковных земель в Ирландии предопределил отставку Дерби из правительства Грея. Дерби видел данную секуляризацию как абсолютное нарушение права собственности. На протяжении 1834—1835 гг. он пытался создать партию, которая бы сблизила умеренных вигов и консерваторов, так называемую «Вагонетка Дерби» (Derby Dilly)³. Однако к апрелю 1835 г. «Вагонетка Дерби» исчезла. В 1836—1837 гг. Дерби вошел в Консервативную партию Пилля.

К 35 годам Дерби имел четкие и последовательные политические воззрения: проведение умеренных и целесообразных реформ, отвечавших развитию динамичного общества и охранявших прогресс; сохранение национальных исторических институтов, приспособляющихся к прогрессу, как основы порядка и стабильности; поддержка роли аристократии в продвижении прогрессивных мер; признание верховенства закона и неприкосновенной сущности права собственности; защита государственного положения и нравственного верховенства англиканской церкви; сдерживание популистских протестов и демагогических требований и проведение разумных реформ, отвечающих оправданным чаяниям народа. При своем назначении лордом-ректором Университета Глазго в декабре 1834 г. Дерби заявил аудитории:

Славное предназначение будет у того, кто знает как в это время управлять и направить в нужное русло энергию народа, руководить благочинно правительством этой великой нации: но если он считает себя способным резко сопротивляться ее силе в дальнейшем, то будет смыт лавиной [21, р. 3].

² Например, Дональд Саутгейт, характеризуя данный период истории Консервативной партии как «Черные дни» (Dog days), назвал главу «Некомпетентность Дерби». См.: [11, р. 139].

³ Это были уничижительные и быстро распространившиеся в обществе слова О'Коннелла относительно группировки.

Такая декларация политических воззрений получила название «Кредо Ноусли».

Взгляды Дерби отражали его личность. Всегда осознававший свое социальное положение, он никогда не обольщался и был склонен к обидам. Люди, которые не были его родственниками или не разделяли его страсти к скачкам и охоте, встречали в нем отчуждение. От матери он приобрел умеренную евангелическую англиканскую веру, которая подчеркивала обязанности богатых и общественный долг как необходимое условие аристократических привилегий. Будучи молодым человеком, он опубликовал «Христианские притчи» и «Разъяснения чудес нашего Господа». Политическая власть для Дерби была естественной обязанностью, а не призом, за который нужно бороться. Некоторые думали, что ему недоставало политической серьезности. Саркастическое чувство юмора на публике, часто задевавшее других, маскировало его убеждения. Однако его приверженность к политике была искренней и глубоко прочувствованной⁴. Большие усилия скрывались за его презрением к вульгарному выражению личных амбиций. Близкие коллеги признавали его ясность мысли, терпеливость и находчивость, остроумие во время дебатов. Чтобы расслабиться, он переводил французскую, немецкую и итальянскую поэзию. Его перевод «Илиады» Гомера на английский белым стихом был оценен строгим критиком классики Уильямом Гладстоном как выполненный с «очень высоким мастерством» [12, р. 193]. Эти качества признала «Таймс», охарактеризовавшая Дерби как «единственного блестящего наследника британских пэров, произведенного за сто лет» [22, р. 7].

К 1838 г. Дерби стал видным членом консервативной партии Пиля. Его бывшие вигские коллеги, как он заявил, оказались инструментами в руках радикалов. В 1841 г. Пиль назначил его на должность министра по делам колоний, которую он оставил за семь лет до того. Дерби был самым молодым членом кабинета Пиля. В роли колониального министра он сопротивлялся территориальной экспансии британских колоний, настаивая на поддержании международной торговли и коммерческих интересов. Тем не менее решения местных колониальных чиновников и стремления крупных торговцев многократно противоречили установкам Дерби. Была аннексирована индийская провинция Синд, основана Королевская колония Гонконг, республика Наталь присоединена к Капской колонии. В то время он противостоял лорду Джону Расселу по вопросу правительственных действий в Ирландии и столкнулся с лордом Пальмерстоном на внешнеполитическом фронте, одновременно испытывая тяжелейшие приступы подагры в 1843 г.

Колониальные дела беспокоили Пиля после 1841 г. меньше, чем экономика и внутренние социальные перипетии, в отличие от Дерби, который провел изменение тарифа на импорт зерна из Канады в 1843 г. Это способствовало на-

⁴ Как Дерби напомнил Бенджамину Дизраэли в 1849 г.: «Тот, кто посвятил себя парламентскому ремеслу, не может отступить. Я не говорю, конечно, о подавляющем большинстве членов обеих палат, которые действуют в качестве парламентских единиц, давая численное преимущество и ничего больше партии, к которой они принадлежат, но о тех, кого талант, положение или случайность выдвинули на авансцену и дали возможность влиять на своих собратьев... Для них нет пути назад» (письмо Стэнли Дизраэли от 6 января 1849 г., цит. по: [18, р. 127]).

растанию маргинализации Дерби в кабинете Пиля. Такие коллеги, как Джеймс Грэхэм, Генри Голберн и Гладстон, стали более значимыми проводниками политики Пиля. Личные отношения Дерби и аскетичного, нарочито официального Пиля никогда не были теплыми. Их социальные статусы препятствовали близкому общению. Дерби был наследником выдающегося аристократического рода из Ланкашира с обширными земельными владениями и пэрством, восходившим к 1485 г. Пиль же был внуком ланкаширского йомена, его отец сделал состояние на хлопковой текстильной мануфактуре. Патрицианское чувство собственного достоинства держало Дерби в стороне от зачарованного круга восхищенных последователей Пиля. В октябре 1844 г. по собственному желанию Дерби покинул палату общин, чтобы заседать в палате лордов. В верхней палате, как он объяснял, он сможет выполнять значительную работу по широкому кругу правительственных дел и помогать стремительно слабевшему и гложнувшему герцогу Веллингтону в качестве лидера консерваторов в палате лордов.

Таким образом, Дерби наблюдал из палаты лордов за тяжелым консервативным расколом 1846 г. по вопросу об отмене Хлебных законов⁵. Уже в декабре 1845 г. он подал в отставку из кабинета Пиля по причине решения премьер-министра убрать тариф на ввозимую пшеницу в ответ на начало картофельного голода в Ирландии. Дерби возражал по двум основаниям. Во-первых, он считал полную отмену, в противовес частичному регулированию тарифа на ввозимую пшеницу, крайне неуместной с учетом причин бедствий в Ирландии. Во-вторых, он видел в данной мере нарушение обязательств перед консервативными заднескамеечниками, избранными в 1841 г. на основе поддержки Хлебных законов. Его последние слова коллегам в правительстве были: «Будучи джентльменами, мы не можем так поступить» [16, р. 299].

Дерби был глубоко огорчен намерением Пиля отменить Хлебные законы. С острым сожалением он наблюдал, исполненный страдания, за протестом консервативных заднескамеечников против, как они ее называли, измены Пиля. В мае 1846 г. при помощи оппозиции Пиль провел отмену Хлебных законов. Меньшинство консерваторов, 112 депутата, поддержало премьер-министра при голосовании, более 230 консервативных депутатов отказались последовать за передней скамьей. Тяжелое раздражение расколело консерваторов. На протяжении кризиса Дерби сохранял надежду на то, что консервативные группы могут быть своевременно объединены. Из своего вигского политического опыта он знал, что сплоченная партийная организация была принципиальной для эффективного функционирования «парламентской формы правления». Внимание партийных лидеров к мнению заднескамеечников было условием поддержания необходимых взаимных отношений, основанных на доверии между ведущими и ведомыми и их уверенности друг в друге. Голоса лояльных заднескамеечников дают правительству власть. Но Дерби против своей воли обнаружил себя в роли защитника интересов партии перед лицом вероломных лидеров. Только продолжительные упрашивания протекционистских пэров в марте 1846 г. склонили Дерби к тому, чтобы не без опаски принять лидерство над

⁵ Дерби перешел в палату лордов, имея титул лорда Стэнли Бикерстаффского — титул, использовавшийся его отцом, чтобы заседать в палате лордов в 1832 г. в годы жизни 12-го графа Дерби.